

215

ИДЕЯ УГОЛОВНО - АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

ВЪ

НАУКЪ И СУДЕБНОМЪ ПРОЦЕССЪ.

П. Г. Сущинскаго.

80

(Въ матеріаламъ изъ дѣлъ Медицинскаго Совѣта).

#731

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1899.

Отдельный оттиск из журнала «Вѣстникъ Общественной Гигіены, Судебной
и Практической медицины»,—мартъ 1899 г.

JUL 2 1931

Идея уголовно-антропологической школы въ наукѣ и судебномъ процессѣ.

П. Г. Сущинскаго.

(Къ матеріаламъ изъ дѣлъ Медицинскаго Совѣта).

Г л а в а I.

Во всякомъ преступленіи юристы различаютъ двѣ стороны: вѣшнюю—извѣстные объективные результаты человѣческой дѣятельности—и внутреннюю—извѣстное субъективное отношеніе челоѣка къ совершенному имъ дѣйствию, т.-е. различаютъ дѣйствіе и дѣятеля. Понятіе о преступленіи предполагаетъ понятіе объ извѣстной нормѣ—обычной, юридической или нравственной,—которая была нарушена даннымъ дѣйствіемъ. Нормы эти, въ свою очередь, могутъ возникать или устанавливаться только при совмѣстной, общественной жизни людей; характеръ и содержаніе нормъ являются результатомъ характера и состава даннаго общества. Такъ какъ характеръ и составъ обществъ неодинаковъ въ разныхъ мѣстахъ въ извѣстное время и измѣняется съ теченіемъ времени, то, само собой разумѣется, соответственно измѣняется характеръ и содержаніе тѣхъ нормъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Нормы развитыхъ народовъ и обществъ могутъ рѣзко различаться между собой, а нормы даннаго общества весьма существенно измѣняются съ теченіемъ времени. Относительность различныхъ, юридическихъ и этическихъ нормъ обусловливаетъ относительность понятія о преступленіи: дѣйствіе, считаемое преступнымъ въ одномъ обществѣ, можетъ не считаться таковымъ въ другомъ; даже въ предѣлахъ одного общества то, что находили преступнымъ предки, потомки съ меньшимъ основаніемъ считаютъ не только не преступнымъ, но даже похвальнымъ.

Какъ нормы такъ называемаго обычнаго права, и права писаннаго въ формѣ положительныхъ законовъ, такъ и нормы нравственныя имѣютъ цѣлью установленіе и поддержаніе такихъ отношеній между людьми, которыя признаются въ данное время желательными для поддержанія и роста этого общества.

Отношенія между людьми порождаютъ извѣстныя права, столько же вытекающія изъ природы челоѣка, сколько и изъ окружающаго его общества. Обыкновенно принято ду-

мать, что нравственное право имѣетъ превалирующее значеніе передъ правомъ общественнымъ; оно является вышею ступенью, на которую должно со временемъ подняться и юридическое право. Источникомъ всякаго права неизбежно должно быть нравственное право, такъ какъ у отдѣльныхъ личностей оно будетъ всегда выше юридическаго права, которое есть не иное что, какъ minimum общественной нравственности, слагающійся изъ нравственныхъ побужденій всѣхъ членовъ, его составляющихъ. По мѣрѣ совершенствованія отдѣльныхъ лицъ, будетъ совершенствоваться и совокупность ихъ нравственныхъ побужденій, что, выразившись въ правѣ, будетъ поднимать до общаго средняго уровня остальныхъ членовъ общества. Профессоръ Рѣдкинъ въ своихъ «Лекціяхъ по исторіи философіи права» нравственное право человѣка называетъ естественнымъ правомъ, правомъ въ мышленіи, во внутреннемъ опытѣ, осуществленіемъ котораго въ обществѣ является положительное право, право въ дѣйствительности. Какъ то, такъ и другое право, какъ человѣкъ, такъ и общество взаимно вліяютъ другъ на друга. Результатомъ этого вліянія получается совершенствованіе человѣка и создаваемого имъ общественнаго строя по мѣрѣ индивидуальнаго и соціальнаго развитія. Идея права, какъ понятіе, по объему своему уже понятія идеи нравственности, которая служить его источникомъ. Эволюція нравственности влечетъ за собой и эволюцію права, но послѣдняя по необходимости отстаетъ отъ первой и становятся возможными такіе случаи, когда нормы закона вступаютъ въ противорѣчіе съ народившимися высшими нравственными требованіями.

По мѣрѣ развитія культуры сфера дѣятельности человѣка усложняется, а вмѣстѣ съ тѣмъ является больше поводовъ къ столкновенію съ рутиннымъ закономъ, который уже не можетъ отвѣтить на вновь народившіеся запросы жизни. Отсюда становится понятнымъ, какъ бы, увеличеніе преступности. На самомъ дѣлѣ это есть выраженіе большаго движенія общественныхъ силъ, вышедшихъ изъ прежняго инертнаго состоянія. Борьба съ преступностью при такихъ условіяхъ можетъ вестись только путемъ улучшенія законодательства.

Пока этого улучшенія не сдѣлано, кара закона обрушивается на тѣхъ, кто является выразителемъ новыхъ нравственныхъ требованій. Чѣмъ совершеннѣе законодательство, тѣмъ отзывчивѣе оно на нарождающіяся требованія жизни—тѣмъ менѣе возможно противорѣчіе его нормъ съ высшими требованіями нравственности и примѣненіе каръ закона къ лицамъ, содѣйствующимъ росту общества, заслуживающимъ его благодарности. Изъ этого слѣдуетъ, насколько нужно быть осторожнымъ при сужденіи о преступленіи.

Прежде чѣмъ перейти къ анализу личности преступника, нельзя не затронуть болѣе общаго вопроса о степени власти человѣка надъ своими дѣйствіями, о свободѣ или детерминизмѣ человѣческой воли. Отрицаніе свободы воли неизбежно приведетъ къ признанію безответственности человѣка за свои поступки, вслѣдствіе зависимости ихъ отъ внѣшнихъ условій; наоборотъ, признаніе свободной воли логически ведетъ къ заключенію объ ответственности человѣка и независимости его отъ внѣшнихъ условій.

По мнѣнію проф. Таганцева, дѣйствія человѣка какъ добрыя, такъ и злыя, полезныя и вредныя, слѣдовательно въ частности и преступленія, подобно всѣмъ мировымъ явленіямъ, безусловно подчинены закону причинности. Мы не можемъ сказать, что извѣстное преступленіе могло быть или не быть: оно должно было совершиться, какъ скоро существовала извѣстная сумма причинъ и условій его вызвавшихъ.

Докторъ Кандинскій («Ученіе о невмѣняемости»), защищая ученіе о свободѣ воли приходитъ къ тому, что «если возможна встрѣча въ сознаниіи нѣсколькихъ мотивовъ дѣйствованія, изъ которыхъ на дѣлѣ долженъ осуществиться лишь одинъ, то значить, позволительно говорить о возможности выбора между различными мотивами дѣйствованія. Если этотъ выборъ совершается подъ вліяніемъ разсудка (т.-е. извѣстной внутренней работы, называемой дѣятельностью мысли), то вотъ и вся наличность тѣхъ условій, при которыхъ можно сказать: дѣяніе совершилось въ силу свободного волеопредѣленія». Если исключается хотя одно изъ условій этого свободного волеопредѣленія, необходимо долженъ измѣниться и выборъ между побужденіями къ дѣйствию. Иногда измѣненія въ организмѣ бывають до того ничтожны, до того мало вліяють на доступный для наблюденія складъ жизни человѣка, что онъ признается совершенно нормальнымъ. На самомъ же дѣлѣ даже при сохраненномъ сознаниіи, при кажущейся нетронутости душевной дѣятельности, онъ не можетъ противустоять извѣстнымъ вліяніямъ, которыя въ другое время, при нѣсколькихъ иныхъ условіяхъ, не оказали бы на него замѣтнаго дѣйствія.

Простого сопоставленія только что приведенныхъ мнѣній достаточно, чтобы видѣть, что при современномъ состояніи науки нѣтъ данныхъ для рѣшенія вопроса о свободѣ личности въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ. Въ общей формѣ этотъ вопросъ остается открытымъ и можетъ разрѣшаться только въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ путемъ анализа и синтеза внутреннихъ и внѣшнихъ условій человѣческой дѣятельности. Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, свободенъ или не свободенъ человѣкъ идти по пути прогресса или упадка, не можетъ быть категорически рѣшенъ ни въ положительномъ ни въ отрицательномъ смыслѣ. Здѣсь, какъ и вездѣ, нужно считаться съ фактами и путемъ комбинацій ихъ выяснять истину, пользуясь знаніемъ для разумнаго вмѣшательства.

Нѣкоторые представители уголовно-антропологической школы, въ особенности Ломброзо, свели вопросъ о свободѣ или не-свободѣ воли съ обще-философской на болѣе современную естественно-историческую точку зрѣнія; это ученіе явилось въ формѣ признанія особаго преступнаго типа, характеризующагося извѣстными, научно опредѣлимыми признаками. Человѣкъ этого типа самою природою, такъ сказать, предопредѣленъ къ преступленію. «Преступленіе, утверждаетъ Ломброзо, есть естественное явленіе и притомъ, какъ философы сказали бы, необходимое, подобное рожденію, смерти, помѣшательству, печальнымъ видоизмѣненіемъ котораго оно является. А потому инстинктивно жестокія дѣйствія животныхъ и даже растений вовсе не такъ различны отъ поступковъ преступниковъ, съ его звѣрскою злостью, какъ это обыкновенно предполагають».

Эта прямолинейность не покидаетъ проф. Ломброзо при разработкѣ отдѣльныхъ доктринъ криминально-антропологической школы въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя послужили толчкомъ къ возникновенію. Таково, напримѣръ, утвержденіе Ломброзо, всѣми оспариваемое, что обычный преступникъ есть метаморфоза дикаря.

Несоостоятельность и метафизическій характеръ этой крайней естественно-исторической доктрины очевидны:

Придерживаясь области положительнаго знанія, мы можемъ только изучать явленія, сопровождающія рожденіе, смерть, помѣшательство, вырожденіе и т. д., но не можемъ раз-

рѣшать вопросовъ о необходимости этихъ явленій въ предѣлахъ опыта. При подобномъ взглядѣ на преступленіе можно достигнуть болѣе сознательнаго къ нему отношенія.

Другіе представители уголовно-антропологической школы не поддерживаютъ послѣдняго взгляда Ломброзо.

На жевевскомъ конгрессѣ Ферри совершенно опредѣленно заявилъ, что новое ученіе (реф. доктора Розенбаха) «не сводитъ причины преступности исключительно къ анатомическимъ особенностямъ организма. Для того, чтобы личность, обладающая преступнымъ типомъ, сдѣлалась дѣйствительно преступникомъ, необходимо еще другое условіе -- вліяніе среды. Безъ этого социальнаго фактора преступники не создаются. Антропологическій факторъ, слагающійся изъ анатомическихъ и психическихъ особенностей организма, а также наслѣдственныхъ вліяній, опредѣляетъ лишь сторону преступности, подлежащую изученію на преступникахъ».

Резюмируя результаты, къ которымъ пришелъ бельгійскій конгрессъ, Дриль между прочимъ говоритъ: «уголовно-антропологическая школа изучаетъ преступниковъ и совершаемыя ими преступленія, какъ естественно-общественное явленіе, во всей совокупности ихъ разнообразныхъ факторовъ, даже наиболѣе отдаленныхъ. Этимъ она сливается вопросъ о преступности съ великимъ социальнымъ вопросомъ нашего времени и наставляетъ на необходимости широкихъ мѣръ предупрежденія для успѣшной борьбы съ преступленіемъ».

Преступники многими авторами раздѣляются на категоріи; при чемъ основаніемъ дѣленія служитъ обыкновенно ближайшая причина, послужившая поводомъ къ преступленію. Такъ, напримѣръ, д-ръ Марро подраздѣляетъ всѣхъ преступниковъ на три категоріи: 1) преступники съ преобладаніемъ особенностей атактистическихъ, 2) съ преобладаніемъ особенностей атипическихъ или тератологическихъ и 3) съ преобладаніемъ болѣзненныхъ особенностей.

Д-ръ Ферри устанавливаетъ слѣдующія пять категорій преступниковъ: 1) преступники сумасшедшіе, 2) преступники прирожденные (*delinquenti nati*) или неисправимые (*incorreggibili*), 3) преступники привычные, 4) преступники случайные и 5) преступники по страсти.

Въ общемъ можно сказать, что по характеру правонарушенія преступники могутъ быть раздѣлены на четыре главныя категоріи: 1) преступниковъ невмѣняемыхъ, 2) преступниковъ вмѣняемыхъ, но случайныхъ, 3) такъ наз. „честныхъ людей“, пользующихся свободой, вслѣдствіе несовершенства законодательства и 4) условныхъ, нарушающихъ законъ вслѣдствіе его несовершенства и собственной нравственной высоты.

Каковы бы не были попытки подраздѣлить преступниковъ на категоріи, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что причины преступленія лежатъ во внутреннихъ и внѣшнихъ по отношенію къ преступному лицу условіяхъ. Къ послѣднимъ относятся вліяніе природы, человѣка на человѣка, вліяніе правовыхъ и экономическихъ формъ общественной жизни; въ широкомъ смыслѣ слова всѣ эти факторы могутъ быть названы средой.

Но проф. Чижъ, въ своей рѣчи: „Преступникъ передъ судомъ врачебной науки“, справедливо замѣчаетъ, что, не отрицая значенія „среды“, медицинское изслѣдованіе преступника стремится изучить, на кого и почему среда воздѣйствуетъ такъ, что вся жизнь

ихъ есть рядъ преступленій. Криминальная антропология должна выяснитъ, чѣмъ отличаются тѣ «несчастные», которыхъ «среда» обрекаетъ на преступленіе и проституцію.

Г л а в а II.

Изъ изложеннаго ясно, что главная суть вопроса заключается не въ преступномъ дѣяніи, не во внѣшнемъ фактѣ, а въ субъективномъ составѣ преступления, т. е. въ личности преступника. какъ единицъ индивидуальной и въ то же время общественной. Центръ тяжести въ судебно-уголовныхъ доказательствахъ въ дѣйствующемъ уголовномъ правѣ уже давно перемѣстился съ отдѣльнаго факта преступнаго дѣянія на лицо его совершившее. Преступный фактъ самъ по себѣ еще не можетъ характеризовать преступника; человѣкъ, болѣе подверженный состоянію преступности, можетъ совершить менѣе тяжкій проступокъ, сопровождающійся меньшимъ объективнымъ вредомъ, и наоборотъ, менѣе подверженный состоянію преступности человѣкъ можетъ совершить тяжкое преступленіе. Однимъ словомъ, преступленіе еще не характеризуетъ преступника, но преступнику можетъ быть свойственъ тотъ или иной преступный рядъ дѣйствій.

Къ внутреннимъ условіямъ преступленій относятся: наследственное предрасположеніе и разнаго рода болѣзненные уклоненія отъ нормы: функциональныя разстройства, вырожденіе, душевныя болѣзни. При извѣстномъ неблагопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, у человѣка здороваго можетъ еще хватить силъ для воздержанія отъ преступленія; человѣкъ больной или слабый падетъ ихъ жертвой, тогда какъ при благопріятныхъ условіяхъ онъ никогда можетъ быть не былъ бы завербованъ въ число лицъ преступнаго класса. Съ другой стороны могутъ быть и такіе случаи, что, какъ бы ни была благопріятна среда, духовныя силы человѣка настолько порочны или болѣзненны, что дѣйствія его всегда останутся безнравственными и преступными. Могутъ быть, наконецъ, и переходные случаи; все это не даетъ возможности заранѣе составить какой-либо точной классификаціи: разнообразіе можетъ быть необыкновенно большое въ зависимости отъ комбинаціи отдѣльныхъ фактовъ.

Разсмотримъ нѣсколько подробнѣ внутреннія условія преступленія. Среди этихъ условій еще древніе придавали громадное значеніе наследственности. По ученію Пинеагора, «наши склонности къ добродѣтели и пороку, какъ и предрасположеніе къ болѣзни и здоровью, болѣе происходитъ отъ нашихъ родителей и отъ элементовъ, изъ которыхъ мы составлены, нежели отъ насъ самихъ». Качества души человѣка, по ученію Пинеагора, строго соответствуютъ качествамъ его тѣла; такъ мужество соответствуетъ тѣлесной силѣ, справедливость—красотѣ или пропорціональности частей, мудрость—живости чувствованія и т. д.

Вліяніе наследственности признавалъ и Гиппократъ: „Если“, говоритъ онъ, „люди, родившіеся отъ родителей съ голубыми глазами, сами имѣютъ голубые глаза, а родившіеся отъ родителей лысыхъ, сами бываютъ лысыми, то нѣтъ ничего удивительнаго, что родители, имѣющіе неправильное образованіе головы, даютъ жизнь дѣтямъ, страдающимъ тѣмъ же порокомъ организаціи; если мы видимъ, что люди желчнаго темперамента производятъ дѣтей также желчнаго темперамента, то флегматики производятъ флегматиковъ, а чахоточные—чахоточныхъ“.

Въ начальныхъ періодахъ отклоненія отъ нормы наслѣдственность не проявляется столь ярко, какъ это наблюдается часто впоследствии. У наслѣдственниковъ, какъ иногда ихъ называютъ, проявляются сначала нѣкоторыя странности въ характерѣ и настроеніи, и они получаютъ названіе эксцентричныхъ натуръ. При этомъ уклоненія бываютъ самыя различныя: въ сторону излишняго веселья или печали, эгоизма или тщеславія и т. д. Уклоненія первоначально бываютъ до того ничтожны, что не мѣшаютъ людямъ выдвинуться изъ сферы жизни обыденнаго рядового человѣка и занять отвѣтственное общественное положеніе. Независимо отъ этого они могутъ совершать рядъ безнравственныхъ поступковъ, накладывающихъ на нихъ черное пятно наслѣдственности. Нѣкоторыя дѣйствія подобныхъ натуръ лишены сколько-нибудь разумной причины; самаго ничтожнаго колебанія душевнаго равновѣсія для нихъ достаточно, чтобы совершить рядъ недѣльныхъ дѣйствій, безнравственныхъ и жестокихъ поступковъ, опасныхъ для другихъ людей. Эти задатки наблюдаются не только у сформировавшагося уже человѣка, а часто у юноши и даже ребенка.

Предрасполагающимъ внутреннимъ условіемъ преступленія нерѣдко является болѣзненное состояніе организма, въ особенности разнообразныя психическія разстройства.

Изъ доклада д-ра Миннови на женеvскомъ конгрессѣ видно, что изъ 7.217 обследованныхъ имъ случаевъ преступленій душевныя болѣзни служили причиною преступленій въ размѣрѣ 7—8% всѣхъ случаевъ. По мнѣнію Ломброзо въ Италіи % душевно-больныхъ преступниковъ доходитъ до 30%, а не составляетъ лишь 4%, какъ это показано официальной статистикой. Если причислить къ этому числу алкоголиковъ, нравственная отвѣтственность которыхъ значительно понижена, то % возрастетъ до очень большой цифры даже въ случаѣ исключенія случайнаго опьяненія, а если считать лишь тяжелое алкогольное разстройство нервной системы, % здоровыхъ преступниковъ уменьшился бы еще больше, если бы изслѣдованіе преступнаго класса въ психіатрическомъ отношеніи было сколько-нибудь организовано. На вопросъ, что такое душевная болѣзнь, лучше всего отвѣтить словами извѣстнаго психіатра Крафта-Эбинга: „Если психическіе процессы какаго-либо лица совершаются вслѣдствіе достаточнаго внѣшняго повода, соотвѣтствуютъ послѣднему и находятся въ гармонической связи съ событіями внѣшняго міра, то мы называемъ такое лицо душевно-здоровымъ, въ противномъ же случаѣ умственно-разстроеннымъ, психически-больнымъ“. Установить какой-нибудь опредѣленный критерій для душевно-больнаго человѣка невозможно; въ сомнительныхъ случаяхъ съ особой тщательностью необходимо констатировать мозговую болѣзнь. Въ томъ случаѣ, если методы изслѣдованія позволяютъ это сдѣлать, всегда нужно найти связь между органическими и психическими разстройствами. При этомъ приходится всегда имѣть въ виду несовершенство доступныхъ методовъ изслѣдованія и отдать должную дань возникающимъ сомнѣніямъ, такъ какъ различіе въ такихъ случаяхъ заключается только въ степени проявленія болѣзни. Ковалевскій въ судебно-психіатрическихъ анализахъ указываетъ на то, что недавно во Франціи казненъ убійца Менеслу. При изслѣдованіи его мозга въ антропологической лабораторіи оказалось, что „обѣ лобныя доли симметрически были размягчены; размягчены были также первая и вторая височныя извилины и обѣ стороны затылочной доли. Оказывается, что за преступленіе былъ казненъ больной и невмѣняемый человѣкъ“.

Больной человѣкъ при условіяхъ общежитія можетъ совершать преступленія и въ

дѣйствительности очень часто приходится наблюдать преступленіе и помѣшательство, сопутствующія другъ другу. Больной человѣкъ иногда поражаетъ въ такихъ случаяхъ окружающихъ измѣненіемъ своей личности до неузнаваемости, до того, что онъ превращается въ совершенно другого человѣка, способнаго совершать безнравственные и преступныя дѣйствія, столь противныя его натурѣ въ здоровомъ состояніи. Никто не гарантированъ отъ болѣзни, а потому какъ гениальная, такъ и самая обыденная натура можетъ измѣниться при тѣхъ или иныхъ пораженіяхъ нервной системы.

Болѣзненными измѣненіями хорошо развитаго организма можно легко объяснить себѣ многія странности. Такъ, напримѣръ, больной умъ можетъ иногда существовать совмѣстно съ низкой нравственностью, бывшей таковою еще въ здоровомъ состояніи и т. д. Пораженію могутъ подвергаться разнообразныя проводники и центры головного мозга, что выражается въ свою очередь въ разнообразныхъ до безконечности формахъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней. Такія психическія состоянія черезъ «движущее представленіе» иногда переходятъ въ дѣйствія и проступки, которые, опредѣляя ненормальную душевную дѣятельность, отличаются своею безцѣльностью, жестокостью, безнравственностью и преступностью. Рибо съ замѣчательнымъ талантомъ изложилъ эти состоянія человѣка въ своихъ сочиненіяхъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ его сочиненіе—«Болѣзни воли», гдѣ онъ изучаетъ волю въ ея двойномъ механизмѣ — побужденія (импульса) и задержки, и въ ея источникѣ — личномъ характерѣ. Приостановка волевой дѣятельности можетъ зависть, по его словамъ, отъ «истощенія до степени функціональной неспособности двигательной нервной системы, именно той части мозга, которая заправляетъ не только произвольными движеніями, но и мышечной чувствительностью»; избытокъ же импульса можетъ перейти въ «настоящую судорогу», отличающуюся отъ обыкновенной судороги только тѣмъ, что она выражается совокупностью сочетанныхъ движеній, направленныхъ къ достиженію нѣкотораго опредѣленнаго результата». «Человѣкъ похожъ въ этомъ случаѣ на обезглавленное, или по крайней мѣрѣ лишенное мозговыхъ полушарій животное». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ «умственная сфера не представляетъ замѣтнаго расстройства, между тѣмъ какъ въ области поступковъ наблюдается бредъ. „Въ одномъ случаѣ интеллектуальная область не затронута, но недостаетъ импульса“, въ другомъ отсутствуютъ координирующая и задерживающая способности, и импульсъ, вслѣдствіе этого, расходуетъ ся цѣликомъ въ пользу автоматической дѣятельности».

За послѣднее время, благодаря обширнымъ научнымъ открытіямъ въ области изученія нервной системы (см. Бехтеревъ „Проводящіе пути мозга“ и друг. авторы), душевная дѣятельность становится все болѣе и болѣе доступною анализу и разложенію на простые психофизическіе и нервные акты и недалеко то время, когда сознательный рефлексъ головного мозга (И. Сѣченовъ: „Физиологія нервныхъ центровъ“) будетъ также изученъ, какъ рефлексъ спинно-мозговой, открывшій столько неяснаго въ нервныхъ болѣзняхъ человѣка.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что „когда опытный методъ изслѣдованія не будетъ при- сущъ только лабораторіи и клиникѣ, а будетъ широко примѣненъ къ наблюденію различныхъ сторонъ жизни общества и отдѣльныхъ его членовъ, онъ дастъ ключъ къ еще болѣе ясному разумѣнію скрытыхъ теперь движеній человѣческой души.

Врядъ-ли можно предусмотрѣть всѣ условія, которыя такъ или иначе могутъ сопутствовать преступленію человѣка; для того, чтобы идея была понята, достаточно намѣченныхъ штриховъ, выясняющихъ внутреннія и внѣшнія условія преступленія. Каждый случай, заслуживающій вниманія съ юридической стороны, долженъ быть изученъ особо, безъ подведенія къ какой-либо схемѣ, или лучше сказать, къ грубому шаблону. Та классификація, которая иногда устанавливается въ наукѣ, скорѣе нужна для ученическихъ, а не научныхъ и тѣмъ болѣе практическихъ цѣлей, когда знаніе прилагается къ дѣлу. Наука и жизнь требуютъ возможно большей индивидуализаціи человѣка, такъ какъ нѣтъ двухъ личностей, совершенно сходныхъ между собою въ физическомъ и духовномъ отношеніи. Преступнаго человѣка точно также необходимо индивидуализировать и изучать во всѣхъ проявленіяхъ, считая его какъ общественной, такъ и индивидуальной единицей, а не судить о немъ по отдѣльнымъ, зависящимъ отъ него явленіямъ и фактамъ.

Ломброзо различаетъ еще такъ назыв. полупомѣшанныхъ (*delinquenti mattoidei*); къ нимъ причисляется Донъ-Кихоть, а изъ преступниковъ — Гито, убившій президента Соединенныхъ Штатовъ Гарфильда, Пасананте, покушавшійся на жизнь король Гумберта, и Луиза Мишель, обвинявшаяся въ политическихъ преступленіяхъ.

Д-ръ Кандинскій, защитникъ психологическаго критерія и общепринятаго юридического воззрѣнія на преступленіе, высказывается въ томъ смыслѣ, что въ дѣйствительности нѣтъ рѣзкихъ границъ между психическимъ здоровьемъ и психическою болѣзнью.

Для уголовного права особенно важно слѣдующее умозаключеніе Флегсига: «тѣло отражается въ мозгу дважды: разъ въ нижнихъ областяхъ его — этихъ автоматически-рефлекторныхъ мѣстахъ возникновенія тѣлесныхъ побужденій; второй разъ — во внѣшнемъ слоѣ большого мозга, представляющемъ область высшихъ душевныхъ движеній; въ послѣднемъ случаѣ, оно, при помощи внѣшнихъ чувствъ, представляется въ видѣ объекта, являясь въ то же время субъектомъ, непосредственно чувствующимъ себя съ помощью внутреннихъ впечатлѣній, особенно нервовъ зрительныхъ, мышечныхъ и нервовъ, исходящихъ изъ внутреннихъ». Перерывъ и разобщеніе проводниковъ съ душевными центрами въ смыслѣ Флегсига причиняетъ человѣку болѣзнь и разстраиваетъ его дѣятельность, а тѣмъ самымъ лишаетъ его дѣеспособности и правоспособности. Шекспиръ передалъ устами короля Лира эту мысль такъ: „мы перестаемъ быть самими собою, когда удрученное болѣзнью тѣло заставлятъ и духъ страдать вмѣстѣ съ собою“. Всѣмъ извѣстно, что путемъ гипноза можно какъ бы искусственно разобщать и вновь соединять душевные центры между собою и путемъ внушенія заставлятъ человѣка совершать различныя дѣйствія и даже преступленія. Гипнотическому внушенію только очень немногіе могутъ противостоять, а большинство (до 80% по нѣкоторымъ авторамъ) ему поддается. Это явленіе, напоминающее какъ-бы vivi-секцію души человѣка, еще болѣе должно увѣрить въ томъ, что дѣйствія человѣка сильно зависятъ отъ его психофизической организаціи. Наркотическія средства и алкоголь, употребляемые въ большомъ количествѣ, могутъ совершенно измѣнить характеръ человѣка и ослабить его нравственныя чувства, что служитъ еще лишнимъ подтвержденіемъ только-что высказаннаго предположенія.

Измѣненіе нервной системы, подъ вліяніемъ какихъ-либо внѣшнихъ условій, всегда должно неблагопріятно отражаться въ организмѣ человѣка, а въ нѣкоторыхъ болѣе серьез-

ныхъ случаяхъ при столкновѣніи интересовъ нѣсколькихъ лицъ можетъ довести и до преступленія. Современная осложненная жизнь, современные экономическія и социальныя отношенія людей, несомнѣнно, крайне неблагопріятно вліяютъ на физическую и моральную сторону людей. Достаточно указать, что истощеніе нервной системы, которое имѣетъ мѣсто при продолжительномъ рабочемъ днѣ на фабрикахъ и заводахъ, играетъ въ этомъ отношеніи не второстепенную роль. Д-ръ Дементьевъ въ своемъ трудѣ „О нормировкѣ рабочаго дня“ не безъ основанія утверждаетъ, что для преобладающаго большинства фабричныхъ рабочихъ мышечный трудъ играетъ или второстепенную роль, или вовсе не существуетъ. Въ прядильномъ производствѣ при употребленіи машинъ и ткацествѣ, человекъ вполне потерялъ свое значеніе, какъ источникъ физической силы. Но, работая меньше своими мышцами, онъ сталъ работать въ усиленной степени своими нервами; держа въ постоянномъ напряженіи свое вниманіе, труднѣйшій и наиболѣе истощающій видъ нервной дѣятельности, въ непрерывномъ грохотѣ машинъ, онъ съ избыткомъ покрываетъ уменьшеніе расхода силъ отъ сокращенія дѣятельности мышцъ.

„Многочисленные наблюденія и рядъ остроумныхъ опытовъ Моссо показали, что, въ сущности, есть только одинъ видъ утомленія—нервного. Можно, поэтому, съ полнымъ правомъ сказать, что нѣтъ болѣе грубой ошибки, какъ ходячее въ публикѣ мнѣніе о легкости работы фабричныхъ, не вынужденныхъ пускать въ усиленную игру свои мышцы: на сколько землекопъ затрачиваетъ свои силы (жизненную энергію) сокращеніемъ своихъ мышцъ, настолько же, если не въ большей мѣрѣ, прядильщикъ затрачиваетъ ихъ путемъ нервно-мозговой дѣятельности. Слѣдовательно, увеличенная продолжительность работы фабричныхъ, подъ предлогомъ будто бы болѣе легкой работы ихъ, не имѣетъ никакого оправданія и даже при условіяхъ несравненно лучшихъ, чѣмъ тѣ, какія существуютъ на нашихъ фабрикахъ, должна быть признана вредной“.

Переутомленіе нервной системы, какъ среди рабочаго, такъ и интеллигентнаго класса, занимающагося почти исключительно умственнымъ трудомъ, иногда достигаетъ крайнихъ предѣловъ и оставляетъ неизгладимый слѣдъ, а иногда даже дефектъ, въ психо-нервной организаціи. Эти дефекты передаются готовыми изъ поколѣнія въ поколѣніе потомкамъ, которые служатъ невинными жертвами грѣховъ отдѣльныхъ представителей своихъ предковъ. Съ развитіемъ цивилизаціи нервная дѣятельность человека становится все болѣе и болѣе интенсивной, переутомленіе и истощеніе нервной системы выражается все рѣзче и рѣзче и вырождающіяся личности являются спутниками и вмѣстѣ съ тѣмъ жертвами цивилизаціи. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ еще можетъ быть возвратъ черезъ тотъ или иной долгій промежутокъ времени путемъ естественнаго подбора къ доброму прошлому, но для многихъ изъ нихъ возврата этого нѣтъ и не можетъ быть никогда: они-то и представляютъ изъ себя вымирающихъ или вырождающихся субъектовъ. Вырожденіе личности проявляется въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и формахъ въ зависимости отъ мѣста дѣйствія и степени дегенерациі (перерожденія) самаго субъекта. Въ наукѣ твердо установлено положеніе полнѣйшаго параллелизма душевныхъ и психо-нервныхъ явленій, а потому ясно, что чѣмъ вырожденіе болѣе рѣзко выражено, тѣмъ сильнѣе поражена органическая и вмѣстѣ съ тѣмъ духовная природа человека; въ случаяхъ преступленія дегенеранта у него всегда могутъ быть доказаны „органическія основы преступности“. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что всѣ вырож-

дающіеся субъекты суть преступники; точно также не слѣдуетъ, что всѣ они неспособны къ общежитію. Могутъ быть такія формы вырожденія, при которыхъ отсутствуетъ активная дѣятельность человѣка и потому естественно не можетъ быть совершено преступленіе. Человѣкъ какъ бы находится въ психическомъ параличѣ. Съ другой стороны вырожденіе можетъ быть настолько слабо выражено, что возможна не только физическая, но и духовная жизнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общежитіе.

Умъ человѣческій очень склоненъ ко всякаго рода классификаціямъ и системамъ, такъ и здѣсь было предложено авторами подраздѣленіе формъ вырожденія на различное число группъ. Въ строгомъ смыслѣ слова каждый случай самъ по себѣ долженъ быть индивидуализированъ и нельзя провести какой-либо рѣзкой границы между отдѣльными разрядами. Попытки въ систематизаціи формъ вырожденія начались еще со времени ученика и преемника Пинеля, врача Эскироля. Онъ различалъ три вида мономаніи: 1) *monomanie intellectuelle*, 2) *monomanie affective* и 3) *monomanie instinctive*. Еще въ 1835 году врачъ Richard установилъ особый видъ нравственнаго помѣшательства: *moral insanity*. Д-ръ Магнанъ пытался выяснитъ анатомо-патологическую подкладку вырожденія и предложилъ слѣдующія четыре подгруппы: 1) *Les spinaux* — автоматы, 2) *Les spinaux-cerebraux postérieurs* — люди инстинкта, 3) *Les spinaux-cerebraux antérieurs* — люди съ извращеннымъ чувствомъ и порочными поступками и 4) *Les cérébraux antérieurs ou psychiques* — слабоумные.

Гарофло считаетъ вырождающимся такого преступника, который страдаетъ отсутствіемъ альтруизма и нравственнаго чувства.

Д-ръ Розенбахъ (о нравственномъ помѣшательствѣ) причисляетъ къ вырождающимся людямъ «поражающихъ своей эксцентричностью, или одержимыхъ непреодолимыми влеченіями, подчасъ преступными, страдающихъ извращеніемъ полового инстинкта, находящихся подъ гнетомъ навязчивыхъ идей и т. п. Одна изъ весьма распространенныхъ чертъ характера, свойственныхъ этимъ жертвамъ вырожденія, есть недостаточное развитіе нравственнаго чувства. Когда послѣднее совершенно отсутствуетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ субъектъ свободенъ отъ другихъ, бросающихся въ глаза аномалій, то онъ, по своему поведенію и пользованію своими умственными способностями, можетъ казаться вполне здоровымъ; но воля его, благодаря нравственному дефекту, во-первыхъ лишена тѣхъ стимуловъ, которые обуславливаютъ полезную въ смыслѣ общественныхъ интересовъ дѣятельность, а во-вторыхъ она направлена какъ разъ на такіе поступки, которые носятъ въ себѣ антисоціальныя, преступныя тенденціи. Такое состояніе и называется нравственнымъ помѣшательствомъ въ современномъ, техническомъ значеніи этого термина».

Г л а в а III.

На низшихъ ступеняхъ человѣческой культуры, при оцѣнкѣ преступленія и возмездія за него, члены общества обращали вниманіе главнымъ образомъ на внѣшнюю сторону преступленія; состояніе личности преступника игнорировалось; наказывались дѣйствія, а мотивы и обстоятельства этого дѣйствія оставались въ сторонѣ.

Въ настоящее время, при оцѣнкѣ преступленія и опредѣленіи наказанія, придаютъ большое значеніе состоянію личности преступника. При этомъ различаются состоянія, при которыхъ человекъ признается вполне или до нѣкоторой степени ответственнымъ за свои дѣйствія, и состоянія, при которыхъ этой ответственности не признается. Еще Вехтеръ указывалъ, что безъ наличности необходимыхъ условий вѣняемости дѣяніе не можетъ быть признаваемо преступленіемъ. Римское право признавало сознаніе совершаемаго дѣянія (*libertas judicii*) и произволь дѣйствія (*libertas consilii*) необходимыми условиями вѣнянія.

Въ системѣ законодательства весьма важно различіе, какъ пишетъ проф. Сергіевскій, въ уголовномъ правѣ, „причинъ невѣняемости, опредѣляемыхъ формальнымъ признакомъ, и причинъ, имѣющихъ такого признака и нуждающихся потому въ общемъ юридическомъ критеріѣ. Всѣ старыя законодательства шли въ этомъ вопросѣ путемъ перечневой системы. На этой почвѣ стоитъ до сихъ поръ наше уложеніе. Оно говоритъ о слѣдующихъ состояніяхъ, исключающихъ способность ко вѣнянію: малолѣтство, безуміе отъ рожденія, сумасшествіе, болѣзнь, доводящая до умонизступленія и безпамятства, одряхлѣніе, лунатизмъ, глухонѣмота. Очевидно, что несмотря на это излишне подробное перечисленіе, законъ опускаетъ нѣкоторыя ненормальныя психическія состоянія, имѣющія въ дѣйствительности то же значеніе, напр. просонки, аффекты и т. п.; въ этихъ случаяхъ пропускъ закона можетъ быть пополненъ только судомъ при помощи искусственного отрицательнаго отвѣта на общій вопросъ о виновности. Самыя условія, при которыхъ всѣ эти состоянія исключаютъ ответственность и которыя могутъ имѣть значеніе нѣкотораго подобія того, что мы выше назвали юридическимъ критеріемъ, также опредѣляются закономъ и различно, и неудовлетворительно. Такъ, законъ говоритъ объ отсутствіи достаточнаго понятія о своихъ дѣйствіяхъ (ст. 94 Улож. о нак.), надлежащаго разумѣнія (ст. 97), понятія объ обязанностяхъ и законѣ (ст. 98), понятія о противозаконности и самыхъ свойствахъ своего дѣянія (ст. 95). Code penal (ст. 64) постановляетъ, что дѣяніе не считается преступнымъ, какъ скоро подсудимый находится въ состояніи помѣшательства (*démence*) во время его совершенія. Самый терминъ „*démence*“ указываетъ на специальную форму умственного растройства—помѣшательства, такъ что даже и при распространительномъ толкованіи, по закону можетъ быть признано основаніемъ бознаказанности только какое-либо болѣзненное психическое состояніе, но не состояніе сна, опьяненія и т. п. Единственный исходъ отрицательный отвѣтъ присяжныхъ на общій вопросъ о виновности“.

Новый проектъ нашего уложенія даетъ, однако, слѣдующее опредѣленіе: „не вѣняется въ вину дѣяніе, учиненное лицомъ, которое по недостаточности умственной способности, или по болѣзненному растройство душевной дѣятельности, или по безсознательному состоянію, не могло во время учиненія дѣянія понимать свойства и значеніе совершаемаго или руководить своими поступками.“

Въ сихъ случаяхъ судъ, буде признаетъ необходимымъ, можетъ: или отдать такое лицо подъ ответственный надзоръ родственниковъ или другихъ лицъ, пожелавшихъ принять его на свое попеченіе, или же помѣстить его во врачебное заведеніе впредъ до выздоровленія, удостовѣреннаго установленнымъ порядкомъ“.

Это опредѣленіе признаетъ необходимымъ условіемъ вѣнянія нормальное, здоровое